

Андрей ДАХИН, Ольга ДАНИЛОВА, Владимир ДЕНИСОВ

ПОЛИТИКА МОДЕРНИЗАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ: АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО, ФАКТОРЫ, СЦЕНАРИИ

В статье представлены результаты исследования политических особенностей современной модернизации в России, определяется структура и когнитивная модель административного пространства региона, в поле активности которого реализуется политика модернизации.

The article presents some results of studying political features of modern Russian modernization. Structure and cognitive model of a regional administrative space, where modernization policy is being realized, are determined.

Ключевые слова:

российская политика, региональная политика модернизации, региональное административное пространство, политический процесс, политические институты, приватные социальные взаимодействия, публичные социальные взаимодействия, когнитивное моделирование, сценарии модернизации; Russia politics, regional modernization policy, regional administrative space, political process, political institutions, private social interactions, public social interactions, cognitive modeling, scenarios of modernization.

ДАХИН

Андрей
Васильевич —
д. филос. н.,
профессор; заведующий
кафедрой фило-
софии и политологии
Нижегородского
института управ-
ления (НИУ) —
филиала РАНХиГС
ADakhin@vvp.ra.
vvpags.ru

ДАНИЛОВА

Ольга
Сергеевна —
к. тех. н., заведующий
информационно-
аналитической
лабораторией
НИУ РАНХиГС

ДЕНИСОВ

Владимир
Николаевич —
преподаватель
информационно-
аналитической лабо-
ратории
НИУ РАНХиГС

Модернизация в России: политические основания и смыслы

Тема модернизации стала частью российской политической повестки по целому ряду обстоятельств, решающее значение среди которых имели обстоятельства российской внутренней политики. «В XXI веке нашей стране вновь необходима всесторонняя модернизация. И это будет первый в нашей истории опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии. Вместо примитивного сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику, производящую уникальные знания, новые вещи и технологии, вещи и технологии, полезные людям», — отмечал президент РФ Д.А. Медведев в своем послании Федеральному собранию РФ в ноябре 2009 г.¹ И далее: «Необходимость перемен стала особенно очевидной в последние месяцы. Глобальный финансовый кризис ударил по всем, но в России экономический спад оказался более глубоким, чем в большинстве стран»². Что касается внутренних причин, то они таковы, что не могли быть отражены в послании. Они связаны с характером президентского политического цикла в современной России. В 2007–2008 гг. структура власти в Кремле вторично (после ухода Б. Ельцина с поста президента РФ в 2000 г.) проходила ротационную процедуру смены высшей политической власти. Это событие является одним из ключевых в общем потоке российского политического транзита, поскольку с момента обретения самостоятельности в 1991 г. перед ней встал выбор: либо сохранить посмертную модель смены высшей политической власти, которая была в СССР (смена высшего политического руководства происходила после смерти ключевого политического лидера), либо перейти к ротационной модели³. Ротационная процедура 2007–2008 гг. была реализована достаточно поверхностно и была скреплена феноменом федерального политического тан-

¹ Медведев Д.А. Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ. 2009, ноябрь // <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>

² Там же.

³ Дахин А.В. Смена высших политических команд в России: анализ одной политологической гипотезы // Политическая наука, 2012, № 1, с. 69–80.

дема «президент Медведев – председатель правительства Путин». Но и в этой специфической российской политической конструкции – по законам жанра ротационной модели – вместе с новым президентом РФ в публичную политику должен был войти новый политический девиз нового президентского политического цикла. Этим девизом стала модернизация. В него вместились несколько идеологем: новое отношение к идеям демократии, идея антикоррупционности, идея омоложения федерального политического бомонда, идея технологического обновления и пр. Обратная сторона этой политической ситуации (и девиза модернизации) – сильные гарантии преемственности политики, источником которых был федеральный политический тандем, сохраненная проводящая сеть неономнеклатурной структуры, созданной в 2000–2007 гг., а с ней – доминирование личностных отношений (доверия) должностных лиц над институциональными¹ и признаки коррупционного отягощения этих отношений.

Поэтому импульс модернизации 2008–2011 гг. внутренне противоречив, содержит болезненно напряженную структуру политического управления, которая в то же время в значительной мере монополизирует функции политического лидерства в стране. Как следствие, именно правящая политическая элита и институты государственной власти выступают «локомотивом» модернизации. Поэтому на региональном уровне источником модернизационной активности также выступает власть, а пространство модернизации совпадает с границами административного пространства региона. В рамках нового президентского политического цикла, стартовавшего в 2012 г., этот механизм модернизации сохраняется с той разницей, что лозунг модернизации является внутренним моментом нового президентского лозунга стабильности и основным покровителем модернизации выступает теперь не президент, а премьер-министр РФ.

¹ Дахин А.В. Транзит российской политической власти на рубеже 2008 г.: особенности политического управления (методология анализа) // Политическая наука. Региональная политика и развитие территорий в условиях административно-политической реформы 2004–2008 гг. / под ред. Л.Н. Верченнова, А.В. Дахина. – М., 2009, № 2, с. 8–26.

Административное пространство и административный климат

Понятие «административное пространство региона» мы определяем с опорой на концептуальную основу теорий социального взаимодействия, концепты организационных полей и институционального изоморфизма П. Дж. Димаджио, У.В. Пауэлла², концепт силы межличностных связей М. Грановеттера³ (связан своими корнями с теорией социальных сетей П. Бурдые, Дж. Коулмана), концепции взаимосвязи публичного и частного пространств социального актора⁴, сетевых отношений⁵, а также на концепцию габитуса П. Бурдые.

На этой теоретико-методологической платформе пространство активности социального актора рассматривается состоящим из двух взаимосвязанных сегментов – сферы частной и сферы публичной активности. Сфера частного базируется на личностных, персональных отношениях человека (на «силе межличностных связей») и является элементом «личностного мира» (Э. Гуссерль). Сфера публичного базируется на институциональных отношениях с другими социальными акторами («организационные поля»). Вместе они образуют социальный габитус. Иными словами, это поле социальных связей и отношений субъекта региональной власти, которые обуславливают круг его социального общения, место в системе региональной социальной иерархии, формируют его социаль-

² Димаджио П. Дж., Пауэлл У.В. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Экономическая социология, 2010, т. 11, № 1 (январь), с. 34–56.

³ Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология, 2009, т. 10, № 4 (сентябрь), с. 31–50.

⁴ Дахин А.В. Социальная инициатива в стратифицированном социокультурном пространстве современной России: искание пути от идеи до действия // Диалог мировоззрений: поиск стратегии в пространстве инициатив и движений. – Н. Новгород, 2008, с. 16–21; он же. Динамика административного пространства региона в поле региональной политики модернизации (опыт когнитивного моделирования) // Регион в период модернизации: стратегии развития. Материалы международной научно-практической конференции, 20 апреля 2012 г. – Н. Новгород, 2012, с. 123–217.

⁵ Вельтер Ф., Каутонен Т., Чепуренко А., Мальева Е. Структуры управления сетевыми сообществами малых предприятий и роль доверия: германороссийское сопоставление // Экономическая социология, 2004, т. 5, № 2 (весна), с. 13–36.

ный статус. Сюда входит достаточно широкое поле социальных взаимодействий, центром которого является конкретный политик-администратор, вокруг которого «вращаются» его подчиненные, друзья, близкие, соседи, другие представители региональной власти и пр. Социальный габитус — это, таким образом, наиболее широкая концептуальная платформа описания социальной активности, которая в рамках настоящей статьи сводится к более узкому понятию пространства активности, образованного совокупностью социальных взаимодействий социального субъекта, которые вызваны исполнением им институциональных обязанностей и полномочий. Понятие «пространство активности социального субъекта» позволяет описывать перечень и конфигурацию ресурсных мест этого субъекта, т.е. совокупность социальных объектов, необходимых для осуществления субъектом его институциональных полномочий или функций, для осуществления которых он использует свои институциональные полномочия. В свете нашего общего подхода *ресурсное место* — это социальный институт (должностное лицо, подразделение социального института и т.п.), индивид (физическое лицо) или социальная сеть, которые открывают социальному субъекту доступ к тем или иным ресурсам, необходимым для осуществления им своих институциональных полномочий.

Региональная власть как социальный субъект осуществляет свою региональную политику с опорой на ресурсные места: для принятия и реализации решений власти необходимы экспертные, информационные, аппаратные, финансовые, правовые и пр. ресурсы, доступ к которым субъект-власть получает через подключение к различным ресурсным точкам, которыми могут быть бюджет, эксперты, СМИ, лоббисты и пр. В поле административного пространства государственного служащего входит та часть социальных взаимодействий, которые связаны с исполнением должностных обязанностей чиновника. Понятие «административное пространство чиновника» позволяет описывать перечень и конфигурацию ресурсных мест, т.е. социальных объектов, необходимых для осуществления чиновником должностных функций или функций, для осуществления которых он использует свое должностное положение. Вычленив в поле социального габитуса сегмент адми-

нистративного пространства чиновника, мы тем самым, с одной стороны, выделяем социальную архитектуру поля его должностных социальных взаимодействий и, с другой стороны, задаем основания для количественного и качественного анализа ресурсных мест чиновника, их социальных форм и значимости. Таким образом, активность региональной власти может быть представлена как административное пространство, в котором власть-субъект реализует свою целевую функцию, в нашем случае — региональную политику модернизации. *Административное пространство* региональной власти — это совокупность ресурсных мест региона, через подключение к которым субъект-власть реализует цели своей региональной политики. Особенность структуры активности власти состоит в том, что наряду с ресурсными местами в этом поле находится также и то, что является результатом политики: результат деятельности региональной власти — явление сложное, дифференцированное, образующее пространство результатов политики. *Пространство результатов региональной политики* — это точки регионального пространства, преобразованные в соответствии с целями субъекта-власти и под его ресурсным влиянием. Другими словами, это те субъекты/объекты региональной политики, в изменение состояния которых были «влиты» те или иные ресурсы субъекта-власти. Основная коллизия строения этой части пространства административной активности региональной власти состоит в том, что среди точек-результатов могут находиться как целевые для того или иного направления политики, так и не целевые субъекты/объекты. Таким образом, в целом административное пространство региональной власти включает в себя два подпространства, одно из которых образовано ресурсными местами субъекта-власти, а второе — местами-результатами региональной политики.

Взятые в совокупности ресурсные места и места-результаты поля публичных отношений и поля частных отношений отдельного регионального чиновника позволяют описать индивидуальную конфигурацию его административного пространства. Полученное административное пространство указывает на совокупность социальных отношений и взаимодействий отдельного субъекта власти, которые обе-

Рисунок 1. Разметка структуры административного пространства

спечивают разработку и реализацию региональной политики модернизации. Характер политики обусловлен тем, на какой конфигурации социальных отношений и взаимодействий она строится. Поэтому особенности структуры административного пространства могут рассматриваться как зеркало особенностей региональной политики.

Другими социальными акторами региона (например, для предпринимателей, действующих в поле региональной политики) административное пространство региональной политики воспринимается как целостная, объективная реальность – административный климат региона. *Административный климат региона* – это целостная характеристика состояния и структуры административной активности региональной власти, определяющая ограничения и степени свободы социальной активности других социальных субъектов в этом регионе. Административный климат, таким образом, проявляется как побочное следствие активности административного пространства, которое влияет на возможности (*capacity building*) самостоятельной деятельности других социальных субъектов. Соответственно, анализ структуры административного пространства позволяет оценивать также и качество административного климата в регионе.

Административное пространство как система

Для принятия и реализации решений власти необходимы экспертные, информационные, аппаратные, финансовые, правовые и пр. ресурсы, доступ к которым субъект-власть получает через подключение к различным ресурсным местам, таким как подчиненные, бюджет, эксперты, СМИ, лоббисты и пр. Соответственно, административное пространство региональной власти – это совокупность ресурсных мест региона, через подключение к которым субъект-власть реализует цели своей региональной политики. Для подключения к ресурсным местам субъект власти в рамках своего делового пространства вступает во взаимодействие а) институционально, как официальное, должностное лицо и б) персонально, как лицо физическое. Совокупность институциональных отношений рассматривается как публичная сфера административного пространства, а совокупность персональных отношений – как приватная область административного пространства. В то же время поле административного пространства делится также на сегмент ресурсных мест и сегмент мест-результатов. Эта общая разметка административного пространства представлена на рис. 1.

Разделение поля административной активности на публичную и приватную

составляющие диктует необходимость выявления соотношения роли, значимости того и другого сегментов в текущих практиках деятельности чиновников. Дело в том, что сфера персонально-личностного поведения чиновника характеризуется такими особенностями, как неформальность, непрозрачность, нетехнологичность. Она обладает сильной зависимостью от личности, а значит не может быть использована в качестве «образца для подражания». Кроме того, персонально-личностная основа функциональных форм поведения чиновника является источником дисфункции (в частности, коррупции или недобросовестного исполнения должностных обязанностей и т.п.).

Для сферы же публичных отношений характерны институциональность и формализованность (соответствие с нормами права и т.п.), прозрачность, технологичность и относительная независимость от индивидуальных особенностей личности чиновника. Поэтому социальные формы поведения, в основе которых лежат публичные отношения государственного служащего, могут тиражироваться в качестве образца, быть предметом обучения, а также являются источником профессионализма в среде государственных служащих.

К числу публичных отношений чиновника относятся те, что соответствуют его должностным полномочиям, официальному социальному статусу и связаны с реализацией официальных задач региональной политики. Это функциональные взаимоотношения с подчиненными, вышестоящими руководителями, чиновниками других подразделений, бюджетными и иными средствами, находящимися в зоне его полномочий; это могут быть как аппаратные функциональные отношения, так и публичные, такие как, например, отношения со СМИ, независимыми экспертами, научными центрами и пр. К числу частных отношений чиновника относятся те, которые обусловлены его личными связями или интересами, связями или интересами его семьи, друзей, земляков, но не с реализацией официальных задач региональной политики.

Ключевым для анализа структуры ресурсной сферы административного пространства государственного служащего является набор базовых видов отношений чиновника — отношений, которые обеспечивают доступ к административным,

материально-финансовым, коммуникативным ресурсам и к ресурсам справедливого разрешения спорных ситуаций. Базовыми являются следующие два блока отношений.

А. Блок отношений публичной сферы: «чиновник — подчиненный», «чиновник — вышестоящий руководитель», «чиновник — суд», «чиновник — СМИ», «чиновник — экспертный центр», «чиновник — консалтинговый центр», «чиновник — научный центр», «чиновник — бюджет», «чиновник — банки», «чиновник — партия», «чиновник — университеты», «чиновник — НКО», «чиновник — бизнес-сообщество», «чиновник — частный бизнес». Все это — ресурсные места, с опорой на которые чиновник осуществляет региональную политику, в т.ч. в сфере модернизации.

Б. Блок отношений частной сферы: «чиновник — услуги за взятку», «чиновник — услуги по обналичке», «чиновник — помощь друзей», «чиновник — помощь родственников», «чиновник — помощь криминала», «чиновник — собственный бизнес»; «чиновник — коррупция». Так или иначе, все это ресурсные места, с опорой на которые чиновник действует в собственных интересах или интересах своей семьи, друзей, не связанных с задачами региональной политики в той или иной сфере.

Ключевым для анализа структуры результативной сферы административного пространства государственного служащего является набор базовых видов достижений чиновника как в сфере публичной деятельности, так и в частной сфере. В *публичной сфере* — это индикаторы, отражающие состояние целевых субъектов/объектов региональной политики: региональный деловой климат, число малых и средних предприятий, состояние инфраструктуры поддержки малого и среднего бизнеса региона, устойчивая результативность деятельности бизнес-инкубаторов, модернизация технологически отсталых производств, а также рост социального доверия и престижности того института региональной власти, который чиновник представляет, и пр. В *частной сфере* — это индикаторы, отражающие состояние субъектов/объектов его собственных интересов: рост собственного материального благополучия (машина, квартира, дом и пр.), развитие собственного бизнеса или бизнеса родственников, знакомых,

Таблица 1

Система факторов опытной модели

<i>f1</i>	Авторитарность власти	<i>f11</i>	Партнерство с общественными объединениями предпринимателей
<i>f2</i>	Работа с подчиненными	<i>f12</i>	Отношения с коррупцией
<i>f3</i>	Работа с начальниками	<i>f13</i>	Отношения с друзьями
<i>f4</i>	Межведомственное взаимодействие	<i>f14</i>	Отношения с криминалом
<i>f5</i>	Партнерство с банками	<i>f15</i>	Благоприятный деловой климат
<i>f6</i>	Эффективное взаимодействие с судебными инстанциями	<i>f16</i>	Рост институциональной бизнес-активности
<i>f7</i>	Партнерство со СМИ	<i>f17</i>	Модернизация
<i>f8</i>	Партнерство с НКО	<i>f18</i>	Личное обогащение чиновника
<i>f9</i>	Партнерство с бизнесом	<i>f19</i>	Личный карьерный рост чиновника
<i>f10</i>	Партнерство с наукой	<i>f20</i>	Рост личного/семейного бизнеса чиновника

карьерный рост собственный и своих друзей, родственников и пр.

В свете этого подхода региональная политика модернизации может быть представлена в виде динамической активности системы регионального административного пространства субъекта-власти, в состав которой входят 20 элементов (факторов), относящихся, с одной стороны, к сферам публичной и приватной институциональной активности государственного служащего, а с другой – к ресурсной и результирующей сферам. Элементы системы, использованной для настоящего исследования, представлены в табл. 1.

Данная модель была принята для опытов по когнитивному моделированию, которое, наряду с этой системой, опирается на систему гипотез, отражающих особенности современной социально-политической ситуации в России. Технологию когнитивного моделирования позволила выявить качественные сценарии запуска процесса модернизации и качественные тренды всех факторов системы.

Основные принципы и гипотезы моделирования

В систему, принятую для когнитивного моделирования, были заложены два принципа. Во-первых, принцип внутренних и внешних связей, в рамках которого состояние региональной политики модернизации поставлено в отношении с региональным институтом государства как ключевым элементом административного климата. Таким образом, в систему закладывается

бинарный принцип связей, который отражает фундаментальное требование устойчивости системы. Во-вторых, принцип «кодирования» базовых гипотез, в соответствии с которым в систему факторов встраивается подсистема, характер связей элементов в которой позволяет моделировать ту или иную базовую гипотезу динамики политического процесса, на основе которой затем осуществляется разработка когнитивной карты всей системы и в рамках которой осуществляется интерпретация результатов моделирования.

Система административного пространства организована таким образом, что исходящие от института государства импульсы влияния «растекаются» по разным ресурсным местам, доходят до результирующего сегмента административного пространства, который, в свою очередь, реагирует на полученные воздействия своим поведением, которое улавливается региональным институтом государства, который отвечает на полученные сигналы новыми импульсами своей активности. Потом движение влияний внутри контура системы начинает новый цикл. Таким образом, замкнутость контура влияний в исследуемой системе отвечает принципу сохранения «энергии» социально-политических влияний, принципу цикличности таких влияний и принципу устойчивости социальной системы.

Основные социально-политические гипотезы, которым должна соответствовать модель, основываются на результатах политологических исследований,

представленных в ряде публикаций¹. Транзитивный характер политической системы России сказывается в том, что политика балансирует между меняющимися уровнями авторитарности и демократичности. Особенность действующей системы власти, принятая в исследовании в качестве базовой гипотезы, состоит в том, что власть сочетает в себе авторитарные и демократические элементы, но элементы авторитарные существенно доминируют. Поэтому в систему введен фактор $f1$ – «авторитарность власти». При этом предполагается, что авторитарность – это одна из обобщающих характеристик власти (мы исходим и из того, что сознательной политической воли, направленной на последовательный, тотальный авторитаризм, в современной России нет), которая возникает от действия различных элементарных факторов (доминирование «вертикальных» механизмов администрирования над «горизонтальными», доминирование коррупционных схем, слабость судебной системы и пр.). Усиление эффекта авторитарности власти будет приводить на региональном уровне к усилению бюрократических, имитативных методов реализации региональной политики модернизации и одновременно – к усилению роли неформализованных функциональных отношений в поле административного делового пространства, в т.ч. коррупции. Такие явления, как личное обогащение чиновников, развитие их личного бизнеса, с

одной стороны, и улучшение регионального делового климата, модернизация – с другой, имеют разнонаправленную динамику под влиянием усиления авторитарного начала.

Обратные связи базируются на гипотезе о том, что эти явления по-разному влияют на характер активности региональной исполнительной власти: в ситуации сохранения авторитарного характера власти первые два фактора будут ее усиливать, сохранять, а вторые два (благоприятный деловой климат и модернизация) – ослаблять.

Основные гипотезы:

– усиление авторитарной составляющей власти в государстве будет приводить на региональном уровне к усилению бюрократических методов (вертикаль власти) реализации региональной политики модернизации и одновременно к усилению роли неформализованных функциональных отношений административного пространства, в т.ч. коррупции;

– с усилением авторитарной составляющей власти региональный деловой климат и институциональная бизнес-активность будут снижаться, а размеры личного обогащения чиновников, их личная карьера и личный бизнес будут расти;

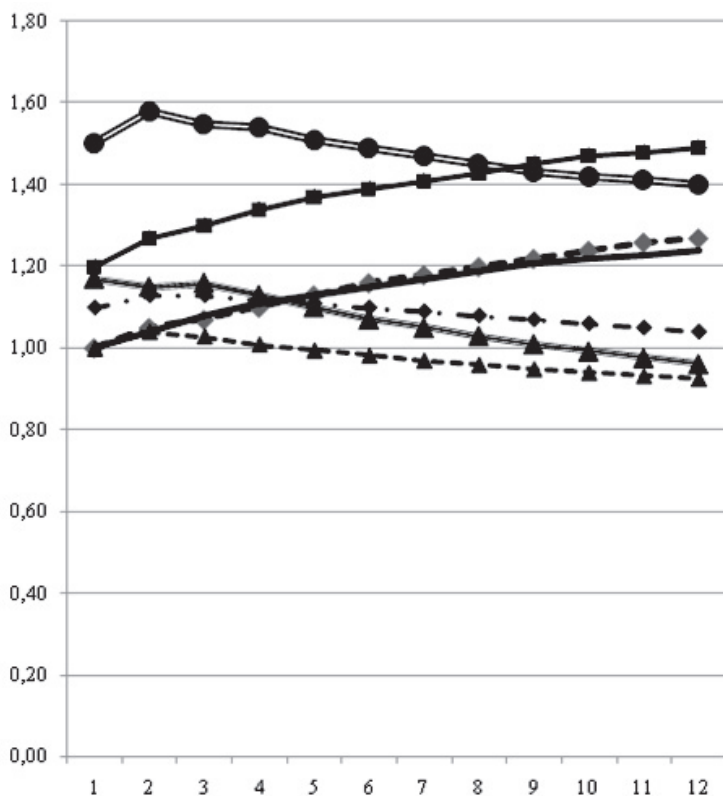
– названное соотношение «публичных» и «приватных» результатов административной активности будет свидетельствовать об ослаблении профессионализма государственных служащих и усилении дисфункции государственного регионального управления.

Сценарии региональной модернизации

Понятно, что инновационная политика в регионе требует усиления межотраслевого взаимодействия в административной системе. Она требует финансовых источников и, значит, «завязана» на банки, бизнес, «вертикаль» бюджета. А еще – на науку. А еще – на патенты, права и, значит, суды. Еще в этой системе есть и негативные элементы: коррупция, личное обогащение, личный бизнес и пр. Короче говоря, настройка поля потока инновационных проектов требует организации сети взаимовлияющих элементов и участников. А какое звено сети надо активизировать, чтобы она дала эффект модернизации?

Сценарий № 1. Есть предположение, что ключевое звено – это финансирование: если впрыснуть в инновационные госпро-

¹ Дахин А.В. Смена высших политических команд в России: анализ одной политологической гипотезы // Политическая наука, 2012, № 1, с. 69–80; он же. Архитектура власти региональных политических пространств России: транзит и конфликтогенные риски // Политическая наука, 2011, № 4, с. 32–39; Dakhin A.V. The political and economic after-effects of political-administrative reform and of changes in structures and regional authority institutions // Impact of Culture on Human Interaction: Clash or Challenge? / Н. Helfrich, А. Dakhin, Е. Hölter, I. Arzhenovskiy (eds). – Göttingen, 2008, p. 5–16; Dakhin A. Agglomeration of Nizhny Novgorod and regional sustainable development: The way toward good governance (the case of Russia) // Regional Development and Role of Core Cities. Papers of international conference, November 12–15, 2010. – Busan, 2010, p. 17–28; Дахин А.В., Макарычев А.С., Семенов Е.Е. и др. Гражданское общество и развитие регионов. Индикаторы для эффективных управленческих решений. – Н. Новгород, 2008; Дахин А., Макарычев А., Распопов Н. Новые тенденции в развитии политической элиты: федеральный и региональный аспекты // Политическое управление и публичная политика XXI века / отв.ред. О.В. Гаман-Голутвина. – М., 2008, с. 116–146.

- ◆--- f1 Авторитарность власти
- f5 Взаимодействие с банками
- ◆— f10 Взаимодействие с наукой
- ▲— f15 Деловой климат
- ▲--- f17 Модернизация
- f12 Коррупция
- f18 Личное обогащение чиновников

Рисунок 2. Итоги моделирования по сценарию № 1

граммы деньги, вся сеть перейдет в новый, более эффективный режим работы. Можно ли проверить, так ли это?

Проверка была осуществлена с помощью метода когнитивного математического моделирования системы, проведенного на базе НИУ РАНХиГС. Современное административное пространство, как это было показано выше, противоречиво, потенциально конфликтно в силу существенного влияния частных факторов (сила межличностных связей, личное обогащение чиновников, коррупция и пр.), инертно, но сейчас другого нет.

Каков же эффект от впрыскивания в систему целевых бюджетных финансов при условии, что фоном является усиление административного давления? Итоги моделирования поведения системы под влиянием активизации фактора «вертикального» административного давления ($f2$) и финансирования через банки ($f5$) по наиболее важным целевым факторам, взятым в формате 12 лет, приведены на рис. 2.

Полученные результаты позволяют заключить, что однократное вложение финансовых ресурсов в систему (при одновременном усилении вертикали на уровне региональной власти) приводит к кратковременному слабому росту активности науки ($f10$ – на 0,02 пункта), кратковременному слабому улучшению делового климата ($f15$ – на 0,02 пункта), кратковременной активизации процессов модернизации ($f17$ – на 0,02 пункта).

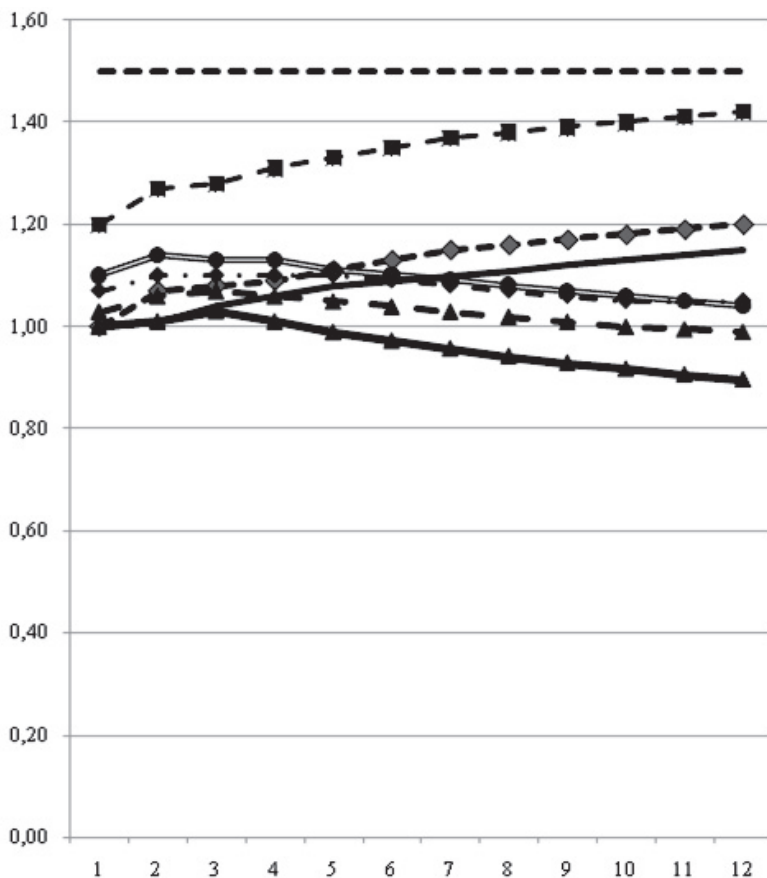
Однако работа системы в целом такова,

что, «переваривая» впрыснутые финансовые средства, она не способна удерживать параметры на новых уровнях, и через 4 периода они падают на начальные позиции, а далее — продолжают падение. Так, к седьмому периоду (2020 г.) f_5 , f_{10} , f_{15} и f_{17} падают уже ниже первоначальных значений и продолжают падать до 12-го периода, переходя на новый уровень устойчивости с более низкими значениями. Одновременно имеет место рост таких негативных факторов активности регионального административного пространства, как f_1 (авторитарность власти), f_{12} (коррупция) и f_{18} (личное обогащение чиновников). Таким образом, внутренняя самоорганизация системы работает следующим образом: в течение 4 периодов «съедает» позитивный эффект финансового вливания, но сохраняет восходящие тренды по негативным факторам системы (авторитаризм, коррупция, личное обогащение чиновников), которые переходят на другой устойчивый уровень с более высокими значениями. Для того чтобы в рамках этого сценария обеспечить хотя бы слабый рост позитивных целевых факторов (f_{10} , f_{15} и f_{17}) на протяжении всех 12 периодов, необходимо осуществлять постоянное, ежегодное финансовое вливание в систему. При этом восходящий тренд негативных факторов будет сохраняться, и процессы модернизации не перейдут в режим самовоспроизводства. Соответственно, в рамках этого сценария может быть получен эффект модернизации, но это будет очень дорого, и эффект будет слабым и нежизнеспособным.

Сценарий № 2. Принято также считать, что эффекта модернизации можно добиться исключительно с помощью совершенствования работы государственного аппарата — посредством укрепления вертикали управления (активизация f_2) и межотраслевого взаимодействия (активизация f_3). Дает ли это искомый эффект в системе? Итоги моделирования поведения системы под влиянием активизации названных факторов, взятых в формате 12 лет, приведены на рис. 3. Из него видно, что при сохранении устойчиво высокой активности межотраслевого взаимодействия («горизонтальное» администрирование — f_4) показатели целевых факторов f_5 (взаимодействие с банками), f_{10} (взаимодействие с наукой), f_{15} (деловой климат) и f_{17} (модернизация) показы-

вают кратковременный рост на 0,03–0,05 пункта. Но через 4–5 периодов, даже при той же интенсивности работы механизмов «горизонтального» администрирования, эти факторы идут на снижение. При этом негативные факторы регионального административного пространства f_1 (авторитарность), f_{12} (коррупция), f_{18} (личное обогащение чиновников), хотя и ослабляют свой восходящий тренд в первые 4–5 лет, тем не менее, идут по восходящей и переходят в новое устойчивое положение с более высокими, чем на начальном этапе, значениями (на 0,2 пункта выше). Таким образом, сценарий модернизации, основанный на росте административной активности власти (как «вертикального», так и «горизонтального» администрирования) может дать эффект модернизации, но это будет слабый и временный эффект. При данном сценарии система не находит достаточных возможностей для самоподдержания модернизации на новом уровне устойчивости с более высокими значениями. Проблема сценария в том, что в его рамках сохраняются растущие тренды негативных факторов административного пространства, их переход на новый уровень устойчивости с более высокими значениями, причем их активность в рамках данного сценария система заглушить или понизить не может.

Сценарий № 3. Каковы же сценарии, при которых может быть получен устойчивый и воспроизводимый самой системой эффект модернизации? Один из них может опираться на параллельную однократную активизацию партнерства с банками, со СМИ, с бизнесом, НКО, наукой. Существо этого сценария в том, что он сочетает активизацию как «кабинетных» административно-финансовых (f_2 , f_5 по табл. 1), так и открытых информационных (f_7), общественных (f_8), частных (f_9) и интеллектуальных (f_{10}) факторов. Результаты моделирования по некоторым факторам приведены на рис. 4. На основе этих данных можно заключить, что даже на фоне современного авторитарного влияния и при наличии известных негативных явлений в политике система может дать искомый эффект: целевые факторы f_{15} (деловой климат) и f_{17} (модернизация) переходят в возрастающий тренд и через 12 периодов занимают новое устойчивое положение на более высоких значениях (см. рис. 4).

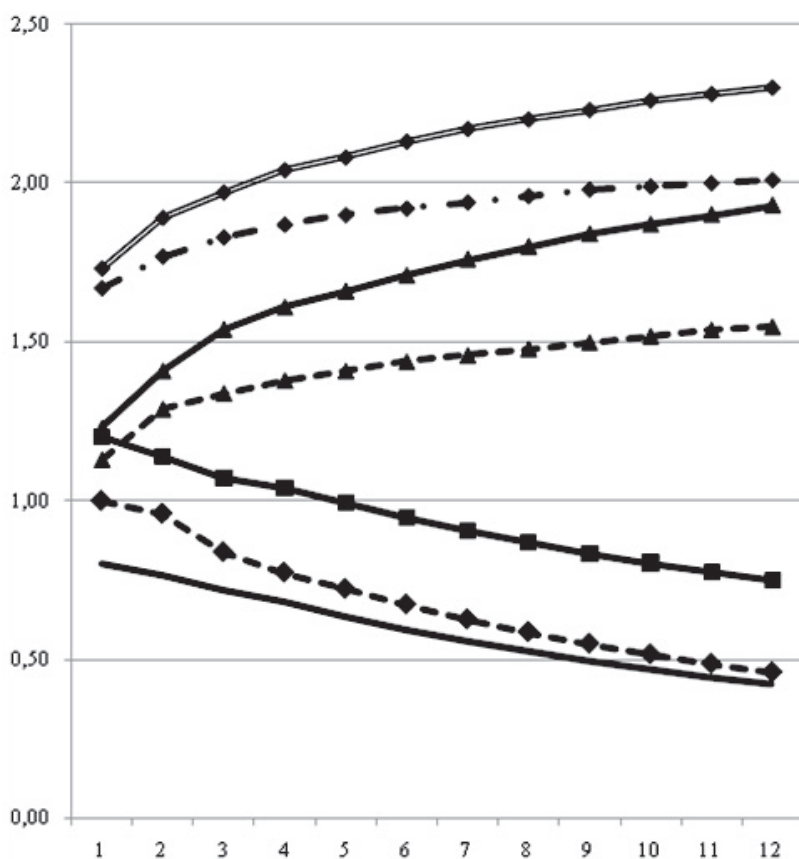
- ◆— f1 Авторитарность власти
- f4 Межотраслевое взаимодействие
- f5 Взаимодействие с банками
- ◆— f10 Взаимодействие с наукой
- ▲— f15 Деловой климат
- ▲— f17 Модернизация
- f12 Коррупция
- f18 Личное обогащение чиновников

Рисунок 3. Итоги моделирования по сценарию № 2

«кабинетными» механизмами модернизации активизируются также и механизмы публичной политики, то система начинает перераспределять потоки влияний в пользу модернизации, развития ее научного сопровождения, вовлечения в нее малого и среднего бизнеса. Вместе с тем в модернизационном ключе перестраивается работа судебной системы (*f6* по табл. 1), снижается активность криминала (*f14*).

Одновременно значения сдерживающих модернизацию факторов административного пространства *f1* (авторитарность власти), *f12* (коррупция) и *f18* снижаются на протяжении 12 периодов и переходят в другое устойчивое состояние с более низкими значениями. Таким образом, данный сценарий показывает, что если наряду с

В рамках исследования модели были рассмотрены также два сценария, в рамках которых на фоне авторитарного давления или активизируется борьба с коррупцией (*f12*) или происходит совершенствование судебной системы (независимость, справедливость) (*f6*). Оба сценария показывают, что даже при активизации этих факторов по отдель-

- ◆-- f1 Авторитарность власти
- ◆— f5 Взаимодействие с банками
- ◆- f10 Взаимодействие с наукой
- ▲— f15 Деловой климат
- ▲-- f17 Модернизация
- f12 Коррупция
- f18 Личное обогащение чиновников

Рисунок 4. Итоги моделирования по сценарию № 3

пока что можно рассматривать как футурологические утопии.

Выводы

В современной ситуации, когда модернизация происходит, прежде всего, от внутренних преобразований в системе власти и реализуется по принципу модернизации «сверху», на региональном уровне эффект модернизации необходимо анализировать в качестве производной от характера активности регионального административного пространства. Принятые в рамках исследования строение административного пространства региона и его системное описание (20-факторная модель) позволяют учитывать текущие особенности соотношения элементов авторитарности и демократичности, публичного и частного, общественных (институцио-

ности система административного пространства переходит в режим устойчивого роста модернизационного эффекта. Однако российские реалии таковы, что политическая воля и фундаментальные причины для активного подавления коррупции, равно как и для активного совершенствования судебной системы, пока отсутствуют. Поэтому эти сценарии

нальных) и личных интересов в политике. В рамках эксперимента с системой были проанализированы сценарии запуска модернизации, отражающие актуальные представления о том, что для модернизации достаточно усиления государственного участия и увеличения финансирования или одного только государственного административного влияния в виде как вертикального, так и горизонтального (межотраслевого) администрирования. В обоих случаях модернизационный эффект имеет слабый и кратковременный результат, после которого значимые для модернизации факторы (участие малого и среднего бизнеса, научное оснащение и др.) снижаются до новых устойчивых положений со значениями ниже исходных. При этом активность негативных факторов административного пространства (авторитаризм, коррупция, личное обогащение чиновников и др.) возрастает до новых устойчивых положений с более высокими значениями по сравнению с первоначальными. Эксперимент показал, что позитивный модернизационный эффект может дать существенная активизация борьбы с коррупцией или существенное совершенствование судебной системы (независимость, справедливость). Однако отсутствие реальной политической воли как для того, так и для другого позволяет считать их невозможными в современных политических условиях, утопическими. Наиболее реалистические

сценарии модернизации связаны с одновременной активизацией как «кабинетных» административных факторов, так и факторов публичной политики. В частности, был проанализирован эксперимент с активизацией 3 «кабинетных» факторов (*f2, f4, f5* по табл. 1) и 4 факторов публичной политики (*f7, f8, f9, f10* по табл. 1). Моделирование показало, что такая комбинация разрозненных факторов способствует восходящему тренду эффекта модернизации и факторов, от которых он является производным: все они переходят на другой устойчивый уровень со значениями, превышающими начальные. В то же время негативные факторы административного пространства (коррупция, личное обогащение чиновников, криминал и др.) снижаются до нового устойчивого уровня со значениями, более низкими по сравнению с начальными. Этот качественный эксперимент позволяет заключить, что для наращивания темпов модернизации активизацию административных («кабинетных») факторов, которая уже становится реальностью (имеется в виду нацеленность на рост финансирования инновационных проектов, усиление «вертикального» контроля за финансированием, стихийная активизация «горизонтальных» практик межотраслевого администрирования), необходимо дополнять столь же существенной активизацией факторов региональной публичной политики.